

РУССКИЙ БЕРЕГ БЕЛОЙ ХАГИ

Малиновский Валерий,
*журналист,
победитель международного литературного конкурса
«Золотое перо Руси»,
г. Находка*

Прославленной японской поэтессе Ёсано Акико во Владивостоке установлен памятный камень – один из пяти вне её родины. В тихоокеанской столице России писательница останавливалась по пути в Париж. В конце весны 2022 года этому событию исполняется 110 лет.

Светлое Солнце Сакаи

В берёзовый сквер на Океанском проспекте 39, бывая во Владивостоке, прихожу всегда. К чёрному гранитному камню с барельефом Ёсано Акико и её пронзительным стихотворением, устремлённым в неведомую даль, приношу летом пурпурную веточку леспедецы, зимой – белую хризантему. Рядом через дорогу Покровский кафедральный собор. Он освящён в 2007 году. Но с 1900 по 1935 на его месте стояла Покровская церковь, снесённая и на долгие годы забытая. В сотне метров от неё, на холмистом склоне, укрепленном брусчаткой, с начала XX века проводились

буддийские службы в японском храме Урадзю Хонгандзи, преемнике молельни, открытой в 1886 году. В 1937-м и его постигла та же трагическая участь.

Ёсано Акико работает над первым сборником стихов «Спутанные волосы» («Мидарэгами»)

И меня не отпускает шестое чувство: отправляясь в рискованный путь по Транссибу, Ёсано Акико могла посетить этот божественный пятачок, и теперь хранящий светлую память о ней...

«О, богиня Медуза, молю...» – строка одного из более чем сорока тысяч танка Ёсано Акико. Поэтессе, получившей прекрасное образование в японском духе, не чужды образы и из античной мифологии. Акико умоляет превратить её, до возвращения

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

любимого, в камень, что Медуза умела делать одним только взглядом, – так невыносимы муки долгого ожидания.

Революция Мэйдзи 1868 года низвергла самоизоляцию Ямато. Открывшаяся миру нация спешит к сокровищницам загадочных иноземных культур. И прозревает: Гелиос владеет тем же Солнцем, что и Амаатэрасу. Медуза давно побеждена Персеем, из пролитой крови с её отрубленной головы рождён Пегас.

Но Акико всё же устремляется за голосом надежды. И мчится на крыльях поэтического скакуна в Европу. Её любимый – муж и поэт Тэкан – уже в Париже. С наступлением новой эпохи Япония, загоревшись всем передовым, искала всюду по свету и свежие литературные ветры.

*Отправляюсь в Путь.
О, Небеса! Подайте золотую мне карету.
О, Буря! Крылья мне расправь!
Благослови мой путь с Востока!
Я, чтобы встретиться с тобой, любимый,
Пройти готова хоть до края света.
Какой ты мужественный и надёжный!
Как бесконечно я тоскую без тебя!
О, как безумно я тебя люблю!
Каким огнём моё пылает сердце!
Душа моя стремится, словно птица,
В Париж, на Запад, чтобы встретиться с тобой!*

В сотый раз читаю это стихотворение на чёрном граните «Таби ни тацу» («Отправляюсь в Путь»). Оно написано в первые дни её невыносимой для японской женщины того времени (принуждённой быть рёсай кэмбо – хорошей женой, умной матерью) одиночной дороги. Уму непостижимой дороги! Строки родились на борту русского парохода «Орёл»: на нём Акико

прибыла во Владивосток из порта Цуруга 5 мая 1912 года. Её чувства переполняли сердце, рвались на свет.

*Я заплакала,
Но подошла русская девушка,
Погладила по плечу
В белой каюте
Отплывающего корабля «Орёл»...*

***

*С белого корабля
В порту Владивостока
Сошла на мол,
Накинув на голову
Лёгкий голубой платок...*

***

*Холодной весной
Приехав во Владивосток,
Заплакала,
Словно небесная царица,
Мечтавшая о любимом...*

Всматриваюсь в сотый раз и в её профиль...

Семья поэтессы проживала близ Осаки, в тихом городе Сакаи, знаменитом грандиозной гробницей императора Нинтоку, жившего в IV веке. Микадо отменил налог изголодавшим подданным, увидев, что от домов перестали подыматься дымки. Тут 7 декабря 1878 года и родилась будущая литературная знаменитость, получив в детстве имя Хо Сёко, что можно понимать как Светлое Солнце. Отец, увлечённый искусством и наукой, держал в доме богатую

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

библиотеку. Дочь, научившись читать, заболела классической поэзией, глотая книгу за книгой, пробуя и себя в стихосложении.

Первые пятистишия (танка), полные пылких чувств ко всему живому, Сёко отправила в столичный журнал романтической поэзии «Мёдзэ» («Утренняя звезда»). И в 1900 году редактор Тэккан (возможны два значения: Тигр и Железный меч; настоящее имя Ёсано Хироси), порицавший «современную убогую поэзию танка»,

Ёсано Акико с мужем Тэкканом

охотно опубликовал их. Между молодыми людьми тут же вспыхнул роман. Сёко посвящает возлюбленному одно стихотворение за другим. В 1901 году выходит её первый сборник «Мидарэгами» («Спутанные волосы»). Всепоглощающий герой страстной лирики – Тэккан. Он не остаётся в долгу:

*Я в объятиях милой
о славе отчизны забыл –
всё померкло, поблекло.
Лишь звезда в небесах багровеет
да белеют венчики лилий...*
(Ёсано Тэккан)

«Мидарэгами» в одночасье принёс автору славу, и до сих пор считается её самым лучшим сборником. В нём – отход от традиционной морали, призыв к свободной любви, к раскрепощению личности, гармоничное соединение японской классики с западными символами – свежие веяния в национальной поэзии. Тэккан женат, но вскоре разводится, и поэтесса, уже получившая взрослое имя Акико, идёт против вековых порядков, сбегает из родительского дома, выходит за него замуж.

Профиль... Что бунтарского в нём? Какие силы переломили жизнь дочери успешного купца, вхожего в императорский дом?

К 1912 году у Акико и Тэкана детей – семеро, но всё подчинено литературным завоеваниям. Тэккан за вдохновением и новыми знаниями отправляется в ноябре 1911 года морем в Европу, к французским символистам. Акико, уладив домашние дела, устремляется следом. Впечатления с дороги отправляет в столичное издание «Токио асахи симбун», и они ежедневно выходят репортажами, объединёнными по возвращению поэтессы в Японию в цикл «До Парижа» («Пари мадэ»).

Первый день по Транссибу особенно тревожен:

«Состав, вышедший в среду из Владивостока, состоял из одного грузового вагона, вагона-ресторана и трёх пассажирских вагонов. Вагон, куда я села, был самым последним, крайнее купе на двоих оказалось узким, не более двух метров шириной. Попутчиков не было. Два стеклянных окна. В угол сложила подарки, поднесённые господином Ясодзима, сотрудником местного отдела газеты «Токио асахи симбун» – корзину с фруктами, бутылку лимонада и коробку суси. Всю ручную кладь взвалила на высоченную, позолоченную сетку. На стол выставила папиросы (сто штук в коробочке персикового цвета), купленные в торговом доме Владивостока («Торговый дом Кунста и Альберса» – В.М.), и мундштук, вырезанный из сибирского дерева. На всё это, освещённое желтоватым отсветом фонарей, я смотрела в неопишемом страхе и тоске. Наконец я не выдержала и обеими руками закрыла лицо...»

Сто лет спустя

Первым шагом Ёсано Акико по владивостокской земле – век. У Покровского собора, недалеко от места швартовки «Орла», – два молодых японца. В руках – туристическая карта, но заметны затруднения в ориентировке.

– Can I help you? – предлагаю помощь.

– Ok! – оживились они. – We need Oriental Institute.

Сибата Ясутоки и Судзуки Мотохиро – студенты из Токио, прилетели во Владивосток на выходные – встретиться с... Ёсано Акико.

Веду их в сквер, к Школе региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (до 2011 года Восточный институт Дальневосточного государственного университета, а в давнюю пору моей учёбы – университетское общежитие), на Океанский проспект, 39. Над чёрным гранитным монолитом с барельефом и высеченным на двух языках (русском и японском) стихотворением вот-вот зашелестят свежей листвой берёзы. Памятный камень, установленный в 1994

году востоковедами ДВГУ и Обществом имени Ёсано Акико из её родного Сакаи, вскоре украсится букетами цветов от устроителей в девятнадцатый раз – под стихи, посвящённые поэтессе земляками и почитателями из России.

Что испытывают японские юноши, молча уйдя в иероглифические строки? Какие бури в их сердцах, достучавшихся до заветной встречи, скрывают непроницаемые восточные лица? Радость? Страдание? Гордость за страну?..

Уже много знаю о поэтессе, подарившей миру двадцать четыре сборника пронзительных танка и синтайси (стихов новой формы), множество критических статей, дзуйхицу-эссе, детских рассказов, повестей и давшей жизнь... одиннадцати детям. Особая ценность её литературных достижений – перевод со старояпонского языка на современный «Повести о Гэндзи», непревзойдённого произведения японской классической литературы эпохи Хэйан (XI век). Её написала аристократка Мурасаки Сикибу, вошедшая в канонический список «Тридцати шести величайших поэтесс» периода Камакура (1185 - 1333), составленный из придворных дам. На его перевод ушло тринадцать лет. Но и это не всё. Акико продолжала изучать, переводить и комментировать дневники древних писателей.

Душа моя погружается в так ценную японской традиционной поэзией печаль одиночества. Первое щемящее желание – посадить рядом с камнем кустик японской белой хаги (леспеды): такое «цветочное» поэтическое имя выбрала себе двадцатидвухлетняя Акико, так называли её друзья. Предположительно, около двухсот сорока литературных камней на Японских островах ей установлено в местах, где она бывала. Пять – за пределами Японии: Париж, Далянь, Осло, Беркли (побратим Сакаи), Владивосток. Но, по всему, появятся ещё: поэтесса ступала на землю Харбина, Иркутска, Москвы, Варшавы...

Веду студентов к памятнику храму Урадзю Хонгандзи. Он окружён привезёнными из префектуры Фукуи и посаженными в 2002 году двенадцатью элитными деревцами сакуры, уже набравшими цвет. История создания мемориала и сакурного сада

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

глубоко патриотична и поучительна. Душа её – Тоидзуми Ёнэко, японка, приехавшая во Владивосток в девятилетнем возрасте и с 1921 по 1937 год жившая в городе у своей тёти. Здесь она окончила начальную японскую школу, училась в женской гимназии, на

Памятная фотография по окончании рабфака, 1932 г. (слева – Ёнэко, в центре – Мария. Справа – Зоя)

рабфаке и педагогическом факультете Государственного Дальневосточного университета. В 1933 году она вышла замуж за настоятеля храма Урадзю Хонгандзи – Тоидзуми Кэнрю – и четыре года проживала в святилище. В 1936-м мужа арестовали, ненадолго отпустили, но снова осудили и отправили на 10 лет в сибирские лагеря ГУЛАГа. Спустя год решением советских властей храм был закрыт. Тоидзуми Ёнэко с двумя детьми вернулась на родину. После открытия Владивостока 1 января 1992 года Тоидзуми-сан решила на поездку в город своей молодости: «Как же я ждала прихода этого дня в маленьком городке Куритабэ префектуры Фукуи!» Друзей, знакомых уже не оказалось, но Тоидзуми-сан стала приезжать во Владивосток и в последующие годы, упорно изыскивая сведения о них. С помощью русских коллег по «Обществу японо-русской дружбы» ей удалось найти родственников. И даже фотографии той давней поры с ней самой. В

1996 году, после очередной встречи с доцентом кафедры японоведения восточного факультета ДВГУ Зоей Моргун, родилась идея установить памятный знак на месте снесённого храма Урадзю Хонгандзи. И 3 ноября 2000 года монумент был открыт.

И вот ведь! – госпожа Тоидзуми родилась 5 мая 1912 года, в год, когда Акико отправилась вслед за мужем!

Что за фантастическая связь людей, времён, событий?!

За заслуги в международном сотрудничестве, личный вклад в укрепление взаимопонимания между народами Японии и России Тоидзуми-сан в 2003 году удостоилась Почётной грамоты Министерства иностранных дел Японии и чести быть приглашённой Императором Японии и его супругой на «Приём гостей в саду». Профессор же ДВФУ Зоя Моргун в 2015-м награждена Орденом Восходящего солнца 4 степени.

Саженцев, заботливо выращенных из семян 400-летнего дерева, было пятьдесят, по одному на каждый год существования молитвенного дома, но чисто по-русски «неустановленными лицами» часть растений была «переселена» на неведомо чьи лужайки.

В сердце моём рождаются строки танка:

О май столетний!

Как расцвёл ты сакурой

В саду Хонгандзи!

Чёрный гранит засиял

Твой, Ёсано Акико.

(В. Малиновский)

Возникает желание узнать подробности пребывания поэтессы во Владивостоке. Возможно ли это теперь, спустя эпоху в полторы человеческих жизни? Пусть это будет не так подробно, как в случае с известным до мелочей путешествием по Японии четырьмя годами позже известного русского поэта Константина Бальмонта, но всё же? Но оказалось, что наша историческая летопись, чем дальше вглубь, тем туманнее.

Ёсано Акико находилась в городе, судя по её репортажам, с воскресенья по среду.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

Профессор Зоя Моргун и
Тоидзуми Енэко у
памятного знака на месте
храма Урадзю Хонгадзи,
22.09.2003 г.

В книге «Древо плодоносящее» (2004) Валерия Евтушенко, потомка известного владивостокского рода Матвеевых, есть эпизод о контактах Зои, дочери главы этого семейства, литератора Николая Петровича Матвеева-Амурского, с Ёсано Акико в Киото в 1910 году. Раз так – Матвеевы могли встретить поэтессу. Но перебор фактов и дат недоумливает: Евтушенко мог ошибиться, приняв за Ёсано Акико выдающуюся актрису художественного театра Мацуй Сумако. Правда, в 1918-м поэт Венедикт Март (Матвеев), брат Зои, по его собственному признанию, приглашён был четой Тэккан Ёсано в Токио, где посетил литературное общество «Сивакай», читал свои стихи, переводил танка Акико на русский. Вернувшись, он рассказал о поездке в журнале «Природа и люди Дальнего

Востока», сопроводив повествование своим циклом танка и хайку «Лепестки сакуры». Переводы пятистиший Ёсано Акико Март поместил в сборник «Песенцы». Но, следуя силлабическому строю 5-7-5-7-7 и в русском варианте, да ещё зарифмовывая строки, чего нет и не подразумевается в оригинале, на мой взгляд, он выхолостил поэтическое изящество, свойственное стихам Акико, сохранённое в свободных изложениях других, более поздних переводчиков.

Ёсано Акико – яркий публицист и общественный деятель своего времени. Осуждая нападение японской армии на Порт-Артур, она откликнулась на события антивоенным стихотворением «Не отдавай, любимый, жизнь свою!» (1904), посвящённым своему брату, участнику боёв. Тогда многие японские солдаты, по приказу командиров, обвязывались взрывчаткой и выдвигались на передовую, чтобы во имя победы с честью погибнуть за

императора. Акико выступила и против японской интервенции на Дальнем Востоке России. А в 1922 году, в период страшного голода, постигшего Советскую республику, вместе с друзьями включилась в кампанию по сбору денег для голодающих детей Поволжья.

Золотая карета

В конце 2007 года преподавателями Восточного института ДВГУ при поддержке Генерального консульства Японии и Японского центра во Владивостоке было создано Литературное общество имени Ёсано Акико. И уже 31 января 2008 года в

Звучат стихи Акико Ёсано

Матросском клубе состоялся литературный вечер «Многообразие японской литературы». О судьбе и творчестве Ёсано Акико увлекательно рассказала Аида Сулейменова, преподаватель университета, автор монографии «Свидание звёзд». На вечер из Японии приехала Сакамото Юко, три года преподававшая японский язык в университете Владивостока. Большой концерт дали артисты Драматического театра Тихоокеанского флота. Со сцены

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

Памятник Акико Ёсано на родине, в г. Сакаи

прозвучала пьеса по рассказу Есано Акико «Николай и Бун-тян». Милый мальчик Бун очень хотел увидеть русского священника Николая Японского, чтобы тот молитвой помог его отцу поймать большую рыбу. Стихи японских поэтов читал местный писатель Александр Белых, много лет изучающий старую поэзию Страны восходящего солнца. Ёсано Акико, конечно, присутствовала – её лик с портьеры, в модной шляпке и с лёгкой грустью, внимал изысканным речам и песням на её стихи...

«Мы хотим попробовать проводить во Владивостоке поэтические прогулки по типу японских, – подытожила Аида Сулейменова, – У наших соседей это один из любимых видов досуга: прогулка по лесу, например, или берегу моря, во время которой участники сочиняют танка и читают

их вслух... Почему бы и нам не попробовать это в самую золотую пору – июль, август?»

«Золотая пора» тронула и Находку, правда, значительно позже. В конце августа 2021 года ко мне в гости в очередной раз приехал Исихара Кимимичи, японский переводчик произведений Михаила Булгакова. В вечернем саду, у весёлого костерка, мы, беседуя о литературе, вспоминали известные подробности поездок Токутоми Рока и Кониси Масутаро в Ясную Поляну к Льву Толстому. Промчавшийся накануне тайфун до последней пылинки прибрал небо, и на него, изумительно глубокое, в полном сиянии взошла Луна. С минуту мы вглядывались поверх спутанных лоз

актинидии и винограда в её ясный, окутанный звёздами облик, навевавший стихи из «Мидарэгами». В интернете я нашёл живой голос Ёсано Акико, записанный в начале прошлого века. Тихо, певуче, под робкий шелест листы – эоловой арфы! – поэтесса читала нам, окаменевшим, свои лучшие танка...

*Хоси но ё но
Муку но сирагину
Кабакарини
Сомэси ва тарэ-но
Тога то ободзу дзо.*

*В мире звёзд
Белоснежного шёлка невинней
Жила я доселе.
Кто окрасил меня в
Страсти цвет?*

19 мая 2012 года в Японском центре во Владивостоке (тогда он находился на Океанском проспекте, 37, из окон поэтический камень был виден) – усилиями директора Оиси Сохэи и сотрудницы Ольги Сумароковой – собрались исследователи и поклонники творчества поэтессы почтить память воспоминаниями о ней. С приветственным словом к гостям обратилась президент общества профессор ДВФУ Татьяна Бреславец. Пришло поздравление из Японии от Сакамото Юко, активной участницы общества. «Осуществлялось не только практическое знакомство студентов университета с японским языком, – писала Сакамото-сан, – но и распространение знаний о японской культуре среди детей и простых жителей Владивостока».

А какими рисунками украсили стены аудитории Японского центра питомцы преподавателя Детской школы искусств № 4 Тамары Пономаренко! Школой совместно с филиалом библиотеки № 21 по детскому рассказу Акико Ёсано «Николай и Бун-тян» был

Директор Японского центра во Владивостоке Оиси Сохэи вручает Станиславу Мальцеву, главному режиссёру Драматического театра Тихоокеанского флота знаменитую маску Но, 31.01.2008 г.

проведён конкурс «Владивосток, май 1912 – 100 лет визиту поэтессы Ёсано Акико». А какими рисунками к этому мероприятию украсили стены аудитории Японского центра питомцы преподавателя Детской школы искусств № 4 Тамары Пономаренко! Тут и любимые поэтами криптомерии, и первый русский священник в Стране восходящего солнца святой Николай Японский, и белый пароход! Детская фантазия реальными и сказочными образами творчески сомкнула восточный и западный берега Японского моря. А в выставке флористических коллажей в технике осибана «Владивосток в миниатюре», подготовленной Натальей Гаида, руководителем студии цветочного дизайна, была и работа «Поэтический камень Ёсано Акико». Делегация из префектуры

Фукуи, посетив экспозицию вместе с профессором Зоей Моргун, оставила сердечную благодарственную записку.

Во второй половине того же дня (19 мая 2012 г.) под переливчатый звон колоколов Покровского храма поклонники творчества Ёсано Акико, чья жизнь оборвалась 29 мая 1942 года, возложили к её поэтическому камню цветы – хризантемы, розы, ромашки. Вечером, прогуливаясь, я подошёл сюда вновь – с веточкой уже зазеленевшей леспедецы. Под ветерок с востока сложились такие строки танка:

*Затрепетали
Алые розы, обняв
Белую Хаги.
Как ты подгадал, дружок,
Дзэн-ветерок с Сакаи!*
(В. Малиновский)

Алый и белый – любимые цвета Ёсано Акико: аллегория страсти, чистоты и свежести. Таким и живёт в классической литературе Японии образ Белой Хаги, чей дух витает над её памятным камнем и в России.

Небеса услышали голос её сердца – и первый, и второй.
Слава пришла к поэтессе рано и не покинула до конца жизни.
Это ли не золотая ей карета?

Примечание:

В тексте приведены стихи Ёсано Акико, Ёсано Тэкан и посвящения в честь поэтессы автора статьи В. Малиновского

Фото, используемые в тексте, сделаны самим автором, а также взяты из книги Тоидзуми Ёнэко «Сирень и война» и из открытых интернет-ресурсов.